

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5)

EDN [IUAZVT](https://www.edn.ru/IUAZVT)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рязанцев С. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Вазиров З. К.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Гарибова Ф. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири: вызовы и перспективы / С. В. Рязанцев, З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 70–96. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5). EDN [IUAZVT](https://www.edn.ru/IUAZVT).

Аннотация. Настоящее исследование предлагает многоаспектный анализ реализации миграционной политики в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа (Республика Алтай, Хакасия, Тыва). На основе стратегии сравнительного кейс-стади работа выявляет глубокий структурный дисбаланс современной политики: с одной стороны, наблюдается устойчивый отток местного населения, особенно молодежи, в более развитые регионы страны, а с другой – программы по привлечению соотечественников и иностранной рабочей силы демонстрируют недостаточную эффективность для компенсации демографических потерь. Анализ региональных особенностей подтверждает, что, несмотря на различия в экономической специализации и этнодемографическом профиле, все три республики сталкиваются с общими системными проблемами: недостаточностью мер поддержки, сложностями с адаптацией прибывающих и неспособностью переломить тенденцию к оттоку квалифицированных кадров. Исследование показывает, что существующие меры часто носят символический характер и не соответствуют масштабам вызовов. Результаты работы свидетельствуют о необходимости принципиально нового подхода к формированию миграционной политики. Вместо точечных мер требуется интеграция миграционной повестки в общую стратегию регионального развития. Ключевым условием успеха является создание привлекательных условий жизни для всего населения, развитие современной инфраструктуры и диверсификация экономики. Полученные выводы и материалы могут представлять ценность для федеральных и региональных органов власти, занятых формированием и практическим воплощением курса в сфере миграции, а также для экспертного и академического сообществ, специализирующихся на проблематике пространственного развития и трансформации социально-экономических систем под влиянием миграционных факторов.

Ключевые слова: миграционная политика, этнонациональные регионы, трудовая миграция, миграция, Сибирский федеральный округ, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва

Введение

В условиях глобализации и ускоренной миграции исследование миграционной политики в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа (СФО) Российской Федерации приобретает особую актуальность. СФО, характеризующийся высоким уровнем этнокультурного разнообразия, требует разработки и внедрения специализированных стратегий управления миграционными

потоками, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и сохранение культурного наследия.

Одним из ключевых вызовов является необходимость разработки сбалансированной миграционной политики, учитывающей как потребности экономики в трудовых ресурсах, так и этнонациональные особенности территорий. На фоне демографического старения населения и дефицита рабочей силы миграция становится важным фактором восполнения трудовых ресурсов. Но при этом необходимо учитывать, что миграционные потоки могут оказывать значительное влияние на этнонациональный состав населения, что требует разработки специальных мер по интеграции мигрантов.

Другой немаловажный момент – сохранение культурного многообразия, являющегося неотъемлемой частью идентичности этнонациональных регионов. В условиях глобализации и унификации культурных ценностей миграция может способствовать как обогащению культурного наследия, так и его утрате. Поэтому миграционная политика должна быть направлена на сохранение и развитие этнокультурных традиций, на создание условий для межкультурного диалога.

Социальная стабильность – еще один из важнейших аспектов, который следует учитывать при разработке миграционной политики. Миграционные процессы могут вызывать социальное напряжение, связанное с конкуренцией за ресурсы, изменением этнонационального состава населения и иными факторами. В связи с чем необходимо принимать меры по предотвращению конфликтов и обеспечению социальной справедливости.

Выбор республик Алтай, Хакасия и Тыва в качестве объектов данного исследования обусловлен, во-первых, тематикой государственного задания, в рамках которого выполняется работа. Во-вторых, эти три региона представляют собой репрезентативные модельные случаи (case studies) для сравнительного анализа реализации миграционной политики в этнонациональных субъектах Сибирского федерального округа. Несмотря на существенные различия в экономической структуре (промышленная Хакасия против аграрно-туристических Алтая и Тывы) и этнодемографическом профиле (полиэтничные Алтай и Хакасия против моноэтничной Тывы), их ключевое сходство – статус республик с ярко выраженным этнонациональным компонентом – дает право рассматривать их в едином исследовательском поле. Этот сравнительный дизайн, построенный на принципе «единства в разнообразии», позволяет выявить универсальные системные проблемы миграционной политики, проявляющиеся вне зависимости от контекстных различий.

Центральный тезис исследования заключается в том, что современная миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири характеризуется глубоким структурным дисбалансом. Такой дисбаланс проявляется в устойчивом оттоке постоянного населения, который не компенсируется ни символическими программами по привлечению соотечественников, ни импортом нестабильной низкоквалифицированной иностранной рабочей силы. Доказывая это, авторы утверждают, что ключевой причиной неэффективности является отрыв миграционной повестки от комплексной стратегии пространственного развития, делающей территории привлекательными для жизни. Настоящая работа призвана не просто описать вышеназванный дисбаланс на примере республик Алтай, Хакасия и Тыва,

но и последовательно проанализировать его проявления на уровне нормативных документов, статистических данных и региональных программ, обосновав необходимость совершенно иного, интегративного подхода.

В рамках исследования под миграционной политикой понимается целенаправленная деятельность государства по регулированию миграционных потоков через систему правовых, экономических и организационных механизмов, направленная на достижение сбалансированного решения трех ключевых задач: демографического восполнения и территориального размещения населения; удовлетворения потребностей экономики в трудовых ресурсах; сохранения социально-политической стабильности и этнокультурного баланса в принимающих регионах. Такой подход позволяет анализировать миграционную политику как систему вынужденных компромиссов между демографическими, экономическими и социально-политическими целями, что особенно актуально для этнонациональных регионов Сибири, где эти противоречия проявляются наиболее остро.

Эволюция государственной миграционной политики России свидетельствует о сложном поиске оптимальной модели. Как отмечает А. Н. Шмачкова, распад СССР коренным образом изменил миграционную ситуацию, превратив внутренних мигрантов во внешних и потребовав разработки принципиально новых подходов [1].

В период, предшествовавший 2025 г., ключевой целью политики, согласно Указу Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», являлось создание миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространный и демографического развития страны¹.

Однако научное сообщество указывало на системные проблемы в реализации этой политики. Еще в 2017 г. О. Д. Воробьева и Л. Л. Рыбаковский аргументировали, что главной доминантой для России должен стать миграционный прирост численности населения, а страна – быть привлекательной для соотечественников. Вместе с тем ученые критически оценивали отсутствие четких приоритетов, отмечая, что Концепция до 2025 г. оказалась «гибридным» документом, где «в этом обилии потерялись истинные цели» [2].

Принятие Указа Президента РФ № 738 от 15 октября 2025 г., утвердившего новую Концепцию на 2026–2030 гг., стало прямым откликом на необходимость перезагрузки подхода². Таким образом, анализ реализации миграционной политики в этнонациональных регионах СФО дает возможность оценить не только текущие вызовы, но и наследие предыдущего этапа, и потенциал нового стратегического курса. Ее положения, в частности акцент на целевой организованный набор иностранных работников, цифровизацию всех процессов и недопущение

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/by-date/31.10.2018> (дата обращения: 25.06.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 25.06.2025).

формирования этнических анклавов, создают новый контекст для оценки региональных программ и миграционной ситуации в целом.

Обзор научной литературы

Значительный вклад в понимание системных проблем миграционной политики внесли О. Д. Воробьева и Л. Л. Рыбаковский. Их критический анализ указывает на такие хронические проблемы, как смещение приоритетов с переселенческой политики на временную трудовую миграцию, неэффективность Программы по переселению соотечественников, а также на то, что законодательство зачастую выступает сдерживающим, а не привлекающим фактором. Многие из выявленных ими дисбалансов находят свое подтверждение в нашем эмпирическом материале, собранном для сибирских регионов.

Международный контекст миграционной политики Российской Федерации исследовала А. Н. Шмачкова, подчеркивая, что Россия остается центром постсоветской миграционной системы, а ее политика испытывает сильное влияние вопросов безопасности. При этом, как отмечает автор, миграционная политика стран СНГ, включая РФ, уделяет недостаточное внимание таким компонентам, как права мигрантов, сотрудничество с диаспорами и программы реинтеграции.

Значительное количество научных исследований посвящено изучению миграционной политики в этнонациональных регионах СФО. Данный вопрос представляет собой предмет междисциплинарного анализа, включающего в себя аспекты демографии, социологии, политологии и этнологии. В рамках этих исследований рассматриваются как теоретические модели миграционных процессов, так и практические механизмы их регулирования на региональном уровне. Особый упор делается на изучение специфики миграционной политики в контексте этнонационального многообразия, что позволяет выявить особенности взаимодействия различных этнических групп и выработать рекомендации по оптимизации миграционных процессов в условиях многонационального региона.

Важным основанием для разработки адресной миграционной политики в этнонациональных регионах Сибири служит анализ их миграционной привлекательности. В рамках исследования миграционных процессов в Сибирском федеральном округе, проведенного Т. М. Ойду, И. Н. Трошкиной и С. Д. Дилековой, была предложена методика, позволяющая не только классифицировать регионы, но и определить конкретные проблемные зоны, требующие целенаправленного регулирования [3]. Используя корреляционный и кластерный анализ, авторы выделили двенадцать ключевых социально-экономических показателей, наиболее сильно влияющих на миграционный прирост: численность населения; среднедушевые денежные доходы; потребительские расходы; число больничных коек; ввод в действие жилых домов; число организаций; среднегодовая численность занятых; оборот розничной торговли; сальдированный финансовый результат организаций; основные фонды в экономике; объем отгруженных товаров обрабатывающих производств; валовой региональный продукт. На их основе республики Южной Сибири – Алтай, Тыва и Хакасия – были отнесены к кластеру с низкой миграционной привлекательностью. При этом авторы подчеркивали необходимость дифференцированного подхода к повышению привлекательности территорий: для Хакасии

приоритетом должен стать рост среднедушевых денежных доходов, валового регионального продукта, объема отгруженных товаров собственного производства и основных фондов в экономике; а для республик Алтай и Тыва требуется системное улучшение по всем 12 выделенным показателям. Такой анализ дает четкие ориентиры для формирования дифференцированной миграционной политики, основанной на эмпирически выверенных критериях.

В своем исследовании С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова пришли к следующим выводам. За последние два десятилетия численность русскоговорящих общин в странах «дальнего» зарубежья значительно возросла за счет эмиграции из России, в то время как в странах бывшего СССР она сократилась из-за иммиграции в Российскую Федерацию. Основной поток возвратной миграции составляют переселенцы из стран СНГ, а вклад государств Балтии и «дальнего» зарубежья незначителен. Миграционный потенциал соотечественников в странах «ближнего» зарубежья сохраняется. Численность русских в СНГ и Балтии оценивается в 14,3 млн человек, но миграционный потенциал для России на ближайшее десятилетие составляет около 2 млн человек. Миграция часто происходит поэтапно, например, через отправку детей на обучение. Реализация миграционного потенциала соотечественников в СНГ все больше зависит от ситуации в РФ. При принятии решения о переезде люди ориентируются на условия в России как в принимающей стране [4].

С. И. Абылкалыков обращает внимание на то, что высокие показатели естественного прироста населения в сельских районах Тывы компенсируются значительным оттоком жителей в города и за пределы республики. Наиболее тесные миграционные связи Тывы наблюдаются с соседними сибирскими регионами, но в последние годы возрастает роль столичных агломераций Москвы и Санкт-Петербурга. Замечена тенденция к снижению доли мигрантов, прибывших из других российских регионов, и увеличению числа тех, кто покидает республику, среди ее уроженцев. Автор отмечает: следует учитывать то, что накопление значительной ошибки в демографическом балансе, вызванное длительным временным промежутком между переписями населения, а кроме того, возможное изменение методов учета миграции могут привести к существенной переоценке численности населения республики в ходе следующей переписи [5].

В статье К. В. Швориной и Л. М. Фалейчика анализируются вопросы миграционной активности населения регионов Сибири. Основное внимание уделяется анализу и характеристике миграционных процессов в СФО, выявлению факторов, влияющих на межрегиональную миграцию и определяющих ее направления. Гипотеза исследования заключается в том, что межрегиональные различия в социально-экономическом развитии играют ключевую роль в формировании факторов, влияющих на миграцию. В результате анализа было установлено, что основная часть населения регионов состоит из местных жителей, причем наблюдается рост их территориальной мобильности. Однако приживаемость мигрантов в большинстве регионов остается низкой. Авторы предлагают свой собственный подход к исследованию факторов миграции, основанный на сочетании методов многомерного кластерного и геоинформационного анализа. Результаты исследования подтверждают зависимость миграционной активности от качества жизни в регионах и могут быть

использованы для разработки эффективных механизмов социально-экономического развития [6].

Статья Т. К. Ростовской и Е. Н. Васильевой, фокусирующаяся на образовательной миграции молодежи Тывы, служит идеальным микрокейсом и углубленным эмпирическим подтверждением макротезиса о структурном дисбалансе миграционной политики в этнонациональных регионах. Если в основном тексте диагностируется общая проблема – устойчивый отток населения и неэффективность компенсационных программ, то анализ образовательной миграции вскрывает ключевой механизм этой проблемы. Он детально иллюстрирует, как институциональные провалы (катастрофический дефицит бюджетных мест, недоступность платного образования и отсутствие перспектив на рынке труда) формируют у молодежи рациональную стратегию отъезда как единственный способ инвестировать в свой человеческий капитал. Таким образом, работа ученых наглядно демонстрирует, что системная непривлекательность региона проявляется, прежде всего, в тотальной неспособности удержать собственную, наиболее перспективную часть населения – молодежь, что усугубляет демографическую изоляцию, описанную в данном исследовании [7].

Тывинские исследователи О. Д. Натсак и Ч. Б. Даржаа на основе социологического опроса, проведенного в апреле 2023 года, оценивают миграционные намерения населения Республики Тыва и приходят к выводу о том, что почти каждый пятый житель республики (32,8% в совокупности) рассматривает возможность переезда. Основными причинами миграции являются поиск работы и высокооплачиваемой занятости, доступ к качественному образованию для детей и медицинским услугам. Наибольший миграционный потенциал наблюдается среди молодежи и экономически активного населения, при этом основными направлениями для переезда выступают другие регионы России (43,3%) и столица Тывы – город Кызыл (31,2%). Ученые также фиксируют негативное миграционное сальдо и прогнозируют усиление оттока населения, что создает риски для человеческого капитала региона, несмотря на сохраняющийся естественный прирост [8].

Помимо анализа вызовов в сибирских регионах, важное значение имеет изучение успешных практик реализации миграционной политики в других субъектах Российской Федерации. К примеру, в этом плане весьма полезна статья Г. Ф. Ахметовой, обобщающая опыт Татарстана по созданию территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и целенаправленному брендингу привлекательности региона для жизни и инвестиций и демонстрирующая, как можно переломить миграционную убыль. Программы поддержки моногородов в Кемеровской области или стратегия развития агломераций вокруг Новосибирска и Красноярска показывают эффективность точечных инвестиций в инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест для удержания населения. Упомянутые нами примеры свидетельствуют о том, что ключом к успеху становится не столько узконаправленная миграционная программа, сколько интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного и экономического развития региона [9].

Хакасский ученый Е. П. Мамышева в своем исследовании приходит к выводу о системном характере миграционных проблем Республики Хакасия, где

сохраняется устойчивая миграционная убыль населения, обусловленная как оттоком жителей в иные регионы страны, так и негативной динамикой международной миграции, при этом официальная статистика не полностью отражает реальные масштабы внутренних перемещений из-за проблем с регистрацией, а рост временной и нелегальной миграции усугубляет социально-экономические риски для территории, что требует разработки комплексной миграционной политики, тесно увязанной со стратегиями экономического развития для сохранения человеческого капитала [10].

Источники информации и методы исследования

Методологической основой научной работы является системный подход, включающий анализ нормативно-правовой базы и официальной статистической информации. В рамках исследования рассматриваются как положительные, так и отрицательные аспекты реализуемых программ, что позволяет сформулировать основные проблемы и предложить эффективные пути их решения.

Исследовательский дизайн основан на стратегии сравнительного кейс-стади трех этнонациональных республик Южной Сибири, целенаправленно отобранных для анализа. Ключевые сравнительные параметры, определяющие единство и различия объектов исследования, заключаются в следующем. Республика Алтай характеризуется аграрно-туристической специализацией с высокой долей титульного населения (свыше 30%). Ее миграционный профиль демонстрирует устойчивую убыль постоянного населения при одновременном росте импорта низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, имеющей зачастую транзитный характер. Республика Хакасия, в отличие от двух других изучаемых регионов, имеет ярко выраженную промышленную специализацию (угольная промышленность, энергетика) при средней доле титульного населения (около 10%). Это определяет ее специфический миграционный профиль: внутренняя миграционная убыль здесь частично компенсируется целенаправленным притоком иностранной трудовой миграции в ключевые отрасли промышленности. Республика Тыва представляет собой случай моноэтничного региона (доля титульного населения превышает 80%) с преобладанием аграрного сектора и бюджетной сферы в экономике. Данный контекст формирует наиболее острую миграционную ситуацию, для которой характерны глубокий отток собственного населения и крайне низкая привлекательность для любых категорий мигрантов, что ведет к демографической изоляции. Таким образом, сравнительный анализ трех республик, обладающих общим статусом этнонациональных регионов, но различающихся ключевыми социально-экономическими и демографическими параметрами, дает возможность выявить не частные, а системные проблемы реализации миграционной политики, проявляющиеся в разнообразных условиях. Иначе говоря, синтез существующих подходов позволяет сформировать комплексную аналитическую призму для исследования.

Критика О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковским смещения приоритетов в сторону временной трудовой миграции будет рассмотрена через призму теории «выталкивающих» и «притягивающих» факторов [11], объясняющую устойчивый отток постоянного населения. Низкая эффективность программ переселения будет проанализирована в рамках концепции «человеческого капитала», поскольку

предлагаемые меры поддержки не компенсируют потерь в его стоимости при переезде в депрессивный регион. Наконец, доминирование импорта низкоквалифицированной рабочей силы будет интерпретировано с точки зрения политэкономического подхода, где краткосрочные экономические интересы отдельных секторов превалируют над долгосрочными демографическими целями региона. Методика оценки миграционной привлекательности, предложенная Т. М. Ойдум и др., предоставляет эмпирический инструментарий для объяснения, почему республики Южной Сибири оказываются в проигрышном положении в борьбе за человеческий капитал. Следовательно, обзор литературы не только контекстуализирует исследование, но и формирует систему координат, в которой будет выстраиваться дальнейшая аргументация о системном характере проблем миграционной политики.

Статья основана на комплексном анализе официальных статистических данных Росстата, включая переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг., статданные о естественном движении населения и миграции, официальные сведения МВД РФ о миграционных потоках и реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Также проанализированы и использованы материалы национальных проектов, таких как «Демография», региональные программы и стратегии социально-экономического развития субъектов РФ (Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва). Однако наибольшую научную ценность имел материал, представленный по запросу авторов правительствами республик Алтай и Хакасия.

Итак, исследование опирается на официальные и верифицированные данные, что обеспечивает высокую степень достоверности и обоснованности проведенного анализа и сделанных выводов.

Результаты исследования

Представленные ниже результаты служат убедительным доказательством центрального тезиса исследования о структурном дисбалансе, который проявляется в трех взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, все названные республики сталкиваются с масштабной и устойчивой миграционной убылью коренного населения, что создает общую демографическую проблему. Во-вторых, государственные программы по переселению соотечественников оказываются совершенно неэффективными и неспособны компенсировать такие потери. В-третьих, возникает парадоксальная ситуация: несмотря на отток постоянных жителей, растет зависимость от импорта иностранной рабочей силы. Это создает новую социально-экономическую зависимость, но не решает стратегических задач развития, что в совокупности указывает не на отдельные кризисы, а на единую глубокую системную проблему, требующую пересмотра всей демографической и миграционной политики.

В контексте демографической политики рассматриваемых регионов миграционные процессы представляют собой наиболее уязвимое звено. Однако, согласно новейшим данным за период 2023–2025 гг., наблюдается значительная дифференциация миграционных тенденций, что требует более детального и дифференцированного анализа. Внутренняя миграция характеризуется оттоком населения из всех трех республик в иные регионы Российской Федерации. Молодежь

стремится к получению образования и трудоустройству за пределами своих регионов. Данные по республикам Хакасия и Алтай подтверждают наличие миграционной убыли населения, что свидетельствует о тенденции к оттоку молодого поколения в поисках лучших социально-экономических возможностей. Международная миграция также играет значительную роль, но ее влияние варьируется в зависимости от территории. В таком контексте необходимо провести более глубокий анализ факторов, определяющих миграционные потоки, включая социально-экономические, политические и культурные аспекты [11].

Общий анализ миграционной ситуации в Республике Алтай за 2011–2025 гг. выявляет устойчивую миграционную убыль населения. Лишь в отдельные годы (в 2014, 2016, 2019, 2020, 2021 гг.) наблюдался миграционный прирост (с пиком в +558 человек в 2019 г.). В остальные годы фиксировалась убыль, достигшая рекордного значения в -497 человек в 2024 г., что привело к суммарной потере по причине миграции 2 162 человек. Практически вся эта убыль формируется за счет негативного обмена с другими российскими регионами, по которому республика имеет устойчивое отрицательное сальдо, суммарно составившее -4 834 человека за весь период. В отличие от внутрироссийской, международная миграция чаще была источником прироста (суммарно +1 672 человека), но в 2022 и 2023 гг. данный поток также стал убыточным (-131 и -141 человек соответственно). И хотя в 2024 году сальдо стало слабоболожительным (+46 человек), его вклад в компенсацию внутреннего оттока оказался недостаточным [13]. Парадоксальной на таком фоне выглядит растущая зависимость от иностранной рабочей силы: если в 2011–2014 гг. численность трудовых мигрантов колебалась в районе 500–800 человек, то к 2024 г. их число достигло 3 464 человека, причем основными каналами привлечения стали патенты (2 455 человек в 2024 г.) и работа без разрешительных документов (849 человек в 2024 г.), что свидетельствует о дефиците собственных трудовых ресурсов в ключевых секторах экономики. Республика Алтай демонстрирует рост числа иностранных трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (с 584 в 2020 г. до 3 464 в 2024 г.). Основная масса мигрантов работает по патентам (неквалифицированный труд), велика доля нелегалов. Однако, по официальной информации за 2023 г., Алтай имеет отрицательное миграционное сальдо с государствами ЦА (-70 человек), что указывает на то, что мигранты используют регион как транзитный или не задерживаются здесь надолго по причине отсутствия стабильных рабочих мест (см. прил. 2). За 6 месяцев 2025 г. подразделениями по вопросам миграции МВД по Республике Алтай населению предоставлено 45 568 государственных услуг (6 мес. 2024 г. – 46 382, -2%). По данным на 30 июня 2025 г., среди прибывших на территорию республики иностранцев преобладали граждане Узбекистана – 2 989 человек (51%), Таджикистана – 615 (10,5%), Казахстана – 535 (9,1%), Кыргызстана – 481 (8,2%), Белоруссии – 329 (5,6%) и Монголии – 255 (4,4%). При пересечении границы 4 117 иностранцев (70,2% от общего числа прибывших) целью своего визита указали работу, при этом наибольшее количество трудовых мигрантов являются выходцами из Узбекистана (2791), Таджикистана (559) и Киргизии (372). С частной целью прибыли 755 иностранцев (12,9%), а с целью туризма – 410 (7%). В разрезе муниципальных образований на миграционный учет были поставлены: в Майминском районе – 2 644 иностранных гражданина, в городе Горно-Алтайске – 1 841, в Чемальском районе – 609, в Турочакском районе –

186, в Кош-Агачском районе – 121, в Усть-Канском районе – 98, в Улаганском районе – 98, в Онгудайском районе – 86, в Шебалинском районе – 67, в Чойском районе – 62, в Усть-Коксинском районе – 49. На отчетную дату на миграционном учете в республике состоял 3 531 иностранный гражданин, что на 9% больше, чем за аналогичный период 2024 г. (тогда было 3 239 человек). Из них 30 иностранцев имели действительные разрешения на временное проживание (РВП), что на 32% меньше, чем в 2024 г. (44), а 348 – вид на жительство (ВНЖ), это на 2% больше, чем годом ранее (342). В 2025 г. иностранцам было выдано 7 РВП (за три месяца 2024 г. – 11, снижение на 36%), а количество выданных ВНЖ осталось на уровне прошлого года и составило 46. Количество выданных патентов на трудовую деятельность выросло на 15% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. – с 1 983 до 2 271. Разрешения на привлечение иностранных работников в 2025 г., как и в 2024 г., не выдавались. За шесть месяцев 2025 г. было выдано 29 разрешений на работу иностранцам, прибывшим в визовом порядке (за аналогичный период 2024 г. – 19); все они, как и в прошлом году, были выданы высококвалифицированным специалистам. На территории Республики Алтай по состоянию на 30.06.2025 г. трудовую деятельность осуществлял 2 891 иностранный гражданин, что практически соответствовало уровню прошлого года (тогда было 2 900, снижение на 0,3%). Количество иностранцев, приобретших гражданство Российской Федерации, снизилось на 36% – с 36 до 23 человек. За отчетный период 2025 г. трем иностранцам было предоставлено временное убежище на территории РФ (за шесть месяцев 2024 г. – 0). Подразделениями по вопросам миграции за полгода были проведены 1 098 мероприятий по выявлению нарушений миграционного законодательства (+16% к 2024 г., когда было 950), в результате которых выявлены 726 нарушений (+3% к показателю 2024 г. в 707 нарушений). Из Российской Федерации были выдворены 6 иностранных граждан (за шесть месяцев 2024 г. – 19). На основании решений территориальных органов внутренних дел 37 иностранным гражданам был запрещен въезд в РФ (за аналогичный период 2024 г. – 45, т. е. снижение на 18%)³.

Парадоксальная ситуация в Республике Алтай, характеризующаяся одновременным оттоком постоянного населения и ростом импорта иностранной рабочей силы, находит свое объяснение в структурных особенностях региональной экономики и логике индивидуальных миграционных решений. Устойчивый отток коренного населения, особенно молодежи, является реакцией на действие мощных «выталкивающих» факторов: ограниченность рынка труда, низкий уровень доходов, не соответствующий инвестициям в образование, и дефицит перспектив для профессиональной и личной самореализации. В таких условиях миграция в более развитые регионы становится рациональной инвестицией в человеческий капитал. Одновременно ключевые сектора экономики республики – аграрный и туристический – характеризуются сезонностью, низкой производительностью и, как следствие, ориентацией на дешевые и гибкие трудовые ресурсы. Эти рабочие места, не привлекательные для местных жителей, стремящихся к стабильности

³ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции МВД по Республике Алтай за январь – июнь 2025 г. и миграционной ситуации на территории республики // Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: [https://04.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika i analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoj-](https://04.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika_i_analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoj-) (дата обращения: 01.09.2025).

и карьерному росту, оказываются востребованными среди трудовых мигрантов из государств Центральной Азии, для которых разница в заработной плате по сравнению со страной исхода сама по себе становится значительным «притягивающим» фактором. Таким образом, выявленный дисбаланс является не сбоем, а закономерным результатом экономической модели, которая воспроизводит непривлекательность региона для постоянного проживания, одновременно формируя структурную зависимость от временного иностранного труда.

В отличие от Алтая, Хакасия имеет положительное сальдо миграции со странами Центральной Азии (+161 человек в 2023 г.). Мигранты привлекаются в качестве рабочей силы в угледобычу и строительство, что коррелирует с ее промышленной специализацией. Это частично компенсирует внутренний отток населения. В 2022 г. в Республику Хакасия прибыли 20 254 человека, а число выбывших составило 20 929 человек. Общая миграционная убыль населения достигла 675 человек, что превышает показатель 2021 г., составивший 432 человека. В результате межрегионального обмена было зафиксировано отрицательное сальдо миграции в размере 592 человека. Основными миграционными потоками республики являлись регионы Сибирского федерального округа, на которые пришлось 77,8% всех прибывших и 72,8% всех выбывших. Наибольший отток населения наблюдался в Красноярский край (миграционная убыль 689 человек), г. Москву (178 человек) и Московскую область (58 человек), Краснодарский край (69 человек), Калининградскую (69 человек) и Тюменскую (59 человек) области. Значительный миграционный прирост был зарегистрирован из Республики Тыва (+542 человека), а также из Иркутской (+60 человек), Кемеровской (+37 человек) и Омской (+33 человека) областей. Миграционная убыль в международном обмене составила 83 человека и сложилась преимущественно за счет стран СНГ, с которыми сальдо было отрицательным (-68 человек). Наибольший отток населения пришелся на Узбекистан (-46 человек), Киргизию (-40 человек) и Казахстан (-32 человека), в то время как приток был отмечен из Таджикистана (+89 человек). С государствами дальнего зарубежья миграционная убыль составила 15 человек, сформированная за счет отрицательного сальдо с Германией (-15 человек), Китаем (-9 человек) и Грузией (-6 человек), которое частично компенсировалось притоком из Эстонии (+13 человек). Во внутренней миграции в пределах республики в 2022 г. участвовал 9 621 человек, что меньше, чем в 2021 г., когда этот показатель был равен 10 632 человек. За период с 2018 по 2023 гг. международная миграция в Республике Хакасия демонстрировала резкие колебания. На фоне общего отрицательного баланса за шесть лет выделяются два контрастных пика: значительный отток в 2020 г. (-330 человек) и рекордный прирост в 2021 г. (+470 человек). Ключевую роль в стабилизации ситуации играет Таджикистан, остающийся единственным постоянным источником миграционного прироста на протяжении всего периода. В противовес этому Узбекистан, Киргизия и Украина формируют устойчивый отток населения из региона⁴. После очередного снижения в 2022 г. (-83 человека) к 2023 г. наблюдается возврат к умеренному

⁴ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в 2024 году: доклад № 1.37.2PX. Красноярск: Красноярскстат, 2025. 94 с. URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_PX\(4\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_PX(4).pdf) // (дата обращения: 01.09.2025).

положительному сальдо (+140 человек), однако общая динамика остается неустойчивой и существенно зависит от миграционных потоков в рамках СНГ (табл. 1).

Таблица 1

Международная миграция в Республике Хакасия в 2018–2023 гг. (человек)

Table 1

International migration in the Republic of Khakassia in 2018–2023 (people)

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Основные страны-доноры	Основные страны-реципиенты
2023	934	794	+140	Таджикистан (+113), Германия (+6)	Узбекистан (–19), Эстония (–10)
2022	1 294	1 377	–83	Таджикистан (+89), Эстония (+13)	Киргизия (–40), Узбекистан (–46)
2021	1 062	592	+470	Таджикистан (+197), Киргизия (+119)	Германия (–10), Польша (–3)
2020	941	1 271	–330	Таджикистан (+1), Казахстан (+30)	Узбекистан (–102), Украина (–52)
2019	1 262	1 331	–69	Таджикистан (+85), Казахстан (+7)	Киргизия (–53), Украина (–26)
2018	1 146	1 280	–134	Таджикистан (+102), Узбекистан (+5)	Киргизия (–79), Украина (–78)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

Миграционный профиль Хакасии, где внутренняя миграционная убыль частично восполняется целенаправленным притоком иностранной рабочей силы, демонстрирует иную, но столь же системную проблему. Промышленная специализация региона (уголь, энергетика) создает стабильный спрос на труд, в том числе и квалифицированный, что делает его более привлекательным для трудовых мигрантов, чем аграрные республики. Тем не менее компенсация является не качественной, а количественной. Ключевые отрасли, будучи часто локализованными и не создающими мультипликативного эффекта для развития смежных секторов и городской среды, неспособны переломить общие «выталкивающие» тенденции для высококомобильного и требовательного к качеству жизни местного населения. Более того, ориентация на импорт труда для нужд конкретных промышленных предприятий создает «замкнутый круг»: региональная власть и бизнес получают краткосрочное решение кадровой проблемы без необходимости масштабных инвестиций в создание комплексно привлекательной среды (современное жилье, образование, здравоохранение), которая удержала бы собственных граждан. Это подтверждает тезис о подмене стратегических демографических целей тактическими экономическими интересами, где миграционная политика используется для латания кадровых дыр, а не для фундаментального развития человеческого капитала территории.

Республика Тыва является наименее привлекательным для международных мигрантов регионом. В 2023 г. зафиксировано одно из самых отрицательных миграционных сальдо со странами ЦА (–210 человек). Это полностью согласуется с выводом статьи о том, что моноэтничные республики (к коим относится Тыва, где доля титульной нации превышает 80%) практически не привлекают мигрантов из Центральной Азии из-за отсутствия экономических перспектив и, возможно, культурно-языкового барьера. За период с 2018 по 2023 г. международная миграция в республике демонстрировала выраженную неустойчивую динамику, переходя

⁵ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (дата обращения: 25.07.2025).

от значительного прироста в 2019 (+333 человека) и 2021 (+232) гг. к резкой убыли населения в 2022 г. (-385) и 2023 (-62) гг.⁶ Важнейшими государствами миграционного обмена неизменно выступали Киргизия, Беларусь и Монголия, при этом Киргизия являлась основным партнером, вносящим наибольший вклад то в положительное, то в отрицательное сальдо. Резкое увеличение оттока в 2022 г., особенно в обмене со странами СНГ (Беларусь, Киргизия), вероятно, было связано с последствиями геополитических событий, тогда как общая тенденция к снижению миграционной убыли в 2023 г. может указывать на начало стабилизации процессов (табл. 2).

Таблица 2

Международная миграция в Республике Тыва в 2018–2023 гг. (человек)

Table 2

International migration in the Republic of Tuva in 2018–2023 (people)

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост/убыль	Ключевые страны-партнеры
2023	287	349	-62	Киргизия (+26), Монголия (+4)
2022	326	711	-385	Беларусь (-179), Киргизия (-116)
2021	449	217	+232	Киргизия (+150), Беларусь (+82)
2020	359	506	-147	Киргизия (-62), Монголия (-43)
2019	486	153	+333	Беларусь (+123), Киргизия (+138), Монголия (+45)
2018	189	70	+119	Киргизия (+49), Узбекистан (+34)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁷

Тыва являет собой негативный пример, где структурный дисбаланс проявляется в форме демографической изоляции. Значительная миграционная убыль и крайне низкая привлекательность для международных мигрантов обусловлены совокупностью взаимосвязанных факторов. Моноэтничность и уникальный культурно-языковой контекст создают высокий неформальный барьер для интеграции, повышая риски и издержки для потенциальных переселенцев. Экономика, зависящая от бюджетного сектора и малопроизводительного аграрного комплекса, не генерирует ни достаточного количества «притягивающих» экономических стимулов, ни современных рабочих мест. В такой ситуации даже символические программы по привлечению соотечественников заведомо обречены на провал, так как предлагаемые меры поддержки (незначительные компенсации) несопоставимы с масштабом «выталкивающих» факторов, с которыми столкнется мигрант: от удаленности и слабой инфраструктуры до ограниченных возможностей для детей. Таким образом, Тыва оказывается в ловушке: экономическая стагнация и отток населения взаимно усиливают друг друга, а миграционная политика в ее текущем виде не обладает инструментами для разрыва этого порочного круга.

⁶ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Итоги Всероссийской переписи населения 2020 по Республике Тыва. Красноярск : Красноярскстат, 2023. 13 с. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Доклад%20ВПН%20-%20РТ.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

⁷ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956> (дата обращения: 25.07.2025).

Анализ программ миграции: участие в программе возвращения соотечественников и эффективные методы привлечения трудовых мигрантов

Программа переселения соотечественников. Авторами статьи была проделана большая аналитическая работа по изучению и сопоставлению региональных программ содействия добровольному переселению соотечественников в Республику Алтай, Республику Тыва и Республику Хакасия. Их анализ выявил как общую направленность на компенсацию дефицита трудовых ресурсов и стимулирование социально-экономического развития, так и уникальные региональные особенности. Каждый субъект Федерации в рамках единой федеральной инициативы предлагает собственные механизмы адаптации, меры поддержки и целевые показатели, сформированные с учетом географических, экономических и демографических спецификаций. Далее каждый регион будет рассмотрен отдельно. Ниже представлены ключевые моменты данных программ.

Республика Алтай. В соответствии с постановлением правительства республики от 06.08.2024 г. № 287 на территории региона реализуется государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Алтай соотечественников, проживающих за рубежом». Программа направлена на исполнение одноименной федеральной инициативы и обеспечение социально-экономического развития региона. Ее ключевыми задачами являются создание организационных и информационных условий для переселения, включая адаптацию и интеграцию соотечественников, заселение и развитие сельских территорий, увеличение числа квалифицированных кадров. Срок осуществления программы – с 2024 по 2026 г. без деления на этапы. Общий объем финансирования составляет 91,8 тыс. рублей, из которых 89,1 тыс. рублей выделяется из федерального бюджета (основная часть в 2024 г.), а 2,7 тыс. рублей – из республиканского (равными долями по 0,9 тыс. рублей ежегодно). На период реализации установлены целевые показатели: общая численность переселившихся участников и членов их семей должна достигать 21 человека (по 7 человек в год), из них 15 человек должны переселиться в сельскую местность. Планируется ежегодно размещать по 4 информационных материала в СМИ и на портале АИС «Соотечественники». Среди других индикаторов – 100% доля получивших компенсацию за найм жилья, доля оттока (уехавших ранее 3 лет) – не более 14,3% и не менее 42,8% – доля трудоспособных участников с высшим или средним профессиональным образованием и столько же – занятых среди нуждающихся в трудоустройстве. Основные мероприятия программы включают разработку необходимых правовых актов, информационное сопровождение и консультирование. Важнейшими мерами поддержки являются частичная компенсация расходов по найму жилья, содействие в жилищном обустройстве, обеспечение прав на медицинскую помощь и образование, компенсация затрат на медосвидетельствование, оформление полиса ОМС и признание документов об образовании. Оказывается помощь в трудоустройстве, а для отдельных специалистов (молодые педагоги до 35 лет, работники села, медики) предусмотрены дополнительные выплаты и меры поддержки, включая помощь в создании фермерских хозяйств. В программе заложены и риски, такие как отсутствие правовой регламентации, отказ работодателей, проблемы с жильем, недостаток образовательных учреждений, низкая социальная адаптация и межнациональная напряженность. Для их

минимизации запланированы информирование о вакансиях и условиях жизни, разъяснительная работа с местным населением и вовлечение соотечественников в культурные мероприятия. Участниками программы, помимо соответствия федеральным требованиям, могут стать соотечественники в возрасте от 18 до 60 лет (женщины) и до 65 лет (мужчины), имеющие квалификацию по востребованным в республике вакансиям, подтвержденный трудовой стаж либо являющиеся студентами-очниками местных образовательных учреждений. Для беженцев и граждан из недружественных стран эти требования не действуют. Приоритет отдается тем, кто планирует переехать в село для работы в здравоохранении, специалистам и ученым в сфере АПК. Территория вселения – Республика Алтай – характеризуется горным рельефом, умеренно-континентальным климатом, богатыми природными ресурсами (включая объект ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая») и развитым агропромышленным комплексом с акцентом на личные подсобные хозяйства. Активно развивается туризм. В регионе наблюдается дефицит кадров, особенно в образовании и здравоохранении. 71% населения проживает в сельской местности, а основная транспортная связь – автомобильная (Чуйский тракт). Механизм обустройства и адаптации подробно регламентирует взаимодействие органов власти, порядок согласования кандидатур, встречи, временного размещения и оформления правового статуса. Жилищное обустройство осуществляется силами самих переселенцев при поддержке в виде компенсации затрат на наем. Создание центров временного размещения не планируется в связи с незначительным ожидаемым числом прибывающих.

Республика Тыва. Постановлением правительства Республики Тыва № 13 от 21.01.2022 утверждена государственная программа республики «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Тыва соотечественников, проживающих за рубежом» на период 2022–2024 гг. Ее главные цели – реализация на территории региона одноименной федеральной программы и содействие социально-экономическому развитию республики через привлечение квалифицированных кадров. Для этого были поставлены задачи по адаптации переселенцев, сокращению дефицита трудовых ресурсов и привлечению молодежи, особенно в сфере здравоохранения. Финансирование программы осуществлялось из федерального и республиканского бюджетов. Общий объем финансирования составил 174 тыс. рублей. Средства были распределены на 2022 и 2023 гг.; на 2024 г. финансирование не планировалось. Программой предусматривалось, что за три года в регион должны были прибыть 45 человек. Не менее 50% из них должны были иметь среднее или высшее образование. Также были установлены плановые показатели: 100% обеспечение компенсации расходов на медосмотры и 80% трудоустройство участников. В рамках программы планировалось проведение 9 онлайн-презентаций за рубежом и оказание комплекса мер поддержки, включая консультации, медпомощь, содействие в трудоустройстве и обучении, предоставление компенсации за аренду жилья. Основными рисками считались несоответствие квалификации переселенцев вакансиям, проблемы с жильем и трудоустройством, а также возможный отток прибывших в течение трех лет. Ответственными за координацию были назначены Министерство труда и социальной политики Республики Тыва, Минздрав, Минобразования, Минцифры, Минфин. Территорией вселения являлась вся Республика

Тыва. Участниками программы могли стать соотечественники трудоспособного возраста, имеющие востребованное образование или опыт работы. Приоритет отдавался тем, у кого в Тыве были родственники, беженцам и молодым специалистам.

Республика Хакасия. Постановлением правительства республики от 01.11.2016 № 528 (в ред. от 06.11.2024 г.) одобрена государственная программа «Региональная политика Республики Хакасия». На основе ее подпрограммы по содействию добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территории региона осуществляются меры, направленные на обеспечение социально-экономического развития и улучшение демографической ситуации в республике. Ее основные задачи: оказание мер поддержки для развития малого и среднего предпринимательства (МСП), крестьянского фермерского хозяйства (КФХ), сокращение дефицита трудовых ресурсов и увеличение численности молодежи, в том числе получающей образование. Срок реализации подпрограммы – с 2022 по 2028 г., в два этапа. Общий объем финансирования составляет 1 235,1 тыс. рублей, из которых 1 046,7 тыс. рублей – средства федерального бюджета, а 188,4 тыс. рублей – республиканского. Ожидается, что за весь период в регион переселятся 169 участников программы и членов их семей. Важнейшие индикаторы предусматривают, что 100% соответствующих критериям участников получают единовременную помощь при регистрации ИП или главы КФХ, не менее 65% прибывших будут трудоспособными, а среди них не менее 65% – трудоустроенными. Основные мероприятия охватывают нормативно-правовое и информационное обеспечение, консультационные услуги, содействие в жилищном обустройстве (информационное, без прямого предоставления жилья), оказание медицинской помощи, предоставление финансовой помощи при регистрации бизнеса, содействие в трудоустройстве и получении образования. В числе рисков реализации отмечены возможные отказы работодателей, жилищные проблемы, низкая социальная адаптация и образование замкнутых этнических групп. Для их минимизации планируется использовать информационную систему «Соотечественники», вовлекать переселенцев в культурные мероприятия и устанавливать определенные требования. Для участия в программе соотечественники, уже находящиеся в РФ, должны иметь образование либо опыт работы в Хакасии от 6 месяцев, либо вести предпринимательскую/сельскохозяйственную деятельность, либо обучаться очно (если до 30 лет). Для проживающих за рубежом требуется наличие образования и стаж по профессии не менее года, однако для некоторых категорий (например, из недружественных стран или беженцев) эти требования могут не применяться. Республика Хакасия как территория вселения обладает развитой экономикой (горнодобывающая, металлургическая, энергетическая отрасли, сельское хозяйство), развитой инфраструктурой и потребностью в кадрах, особенно в сферах образования, здравоохранения и промышленности. Механизм обустройства и адаптации детально описывает последовательность действий после въезда, включая оформление документов и получение услуг. Жилищное обустройство осуществляется преимущественно силами самих переселенцев, но им оказывается информационная поддержка и предоставляется возможность после получения гражданства участвовать в региональных жилищных программах.

Таблица 3

Ключевые различия между программами миграции в этнонациональных регионах СФО

Table 3

Key differences between migration programs in the ethno-national regions of the Siberian Federal District

Масштаб и бюджет	Наиболее скромная программа у Республики Алтай (91,8 тыс. руб. на 21 человека), средняя – у Тывы (174 тыс. руб. на 45 человек), а самая масштабная и финансируемая – у Хакасии (1 235,1 тыс. руб. на 169 человек).
Фокус на трудоустройство	Алтай и Тыва делают акцент на трудоустройстве по найму, особенно в дефицитных сферах (здравоохранение, образование). Хакасия, помимо этого, активно поддерживает предпринимательство (единовременная помощь при регистрации ИП или КФХ).
Целевая аудитория	Алтай имеет самые строгие возрастные и профессиональные критерии (требует подтвержденную квалификацию по вакансиям республики). Тыва дает приоритет тем, у кого в республике есть родственники. Хакасия уникальна тем, что позволяет участвовать в программе соотечественникам, уже находящимся в России, если они в настоящее время работают или учатся в республике.
Жилищный вопрос	Во всех трех регионах жилье не предоставляется, но Алтай выделяется тем, что делает ключевой мерой поддержки компенсацию расходов на найм жилья.
Сроки реализации	Программы Тывы (2022–2024) уже завершена, Алтая – краткосрочная (2024–2026), а Хакасии – самая долгосрочная (2022–2028).

Источник: составлено авторами по результатам сравнительного анализа текстов региональных программ и отчетных данных⁸

Эмпирическая оценка эффективности программ: разрыв между целями и реальностью. Сравнительный анализ заявленных параметров региональных программ переселения соотечественников (см. табл. 3) выявляет их изначальное несоответствие масштабу демографических вызовов. Однако подлинная глубина проблем раскрывается при сопоставлении этих планов с данными официальной статистики. Мониторинг МВД России за 2024–2025 гг. предоставляет неопровержимые доказательства их системного провала в исследуемых регионах. В 2024 г. общее число участников Программы и членов их семей, переселившихся в Россию, составило 31 700 человек. Поток был сконцентрирован в развитых регионах: лидерами по приему неизменно выступали Челябинская, Новосибирская, Калининградская области, тогда как ключевым получателем финансирования в СФО был Алтайский край. При этом Республики Алтай, Тыва и Хакасия ни разу не были упомянуты в перечне субъектов, принявших сколько-нибудь значительное число переселенцев, по итогам ни одного из четырех кварталов. Учитывая, что в отчеты попадают регионы, принявшие от 150–200 человек, можно с уверенностью заключить, что фактическое прибытие в три исследуемые республики за весь год составило в лучшем случае

⁸ «Об утверждении государственной программы "Оказание содействия добровольному переселению в Республику Алтай соотечественников, проживающих за рубежом"» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0400202408070003> (дата обращения: 25.05.2025); «Об утверждении государственной программы Республики Тыва "Оказание содействия добровольному переселению в Республику Тыва соотечественников, проживающих за рубежом"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578111552> (дата обращения: 25.05.2025); «Об утверждении государственной программы "Региональная политика Республики Хакасия"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444742314>. (дата обращения: 25.05.2025).

несколько десятков человек. Это фиаско становится еще более очевидным при сравнении с целевыми показателями самих программ. Республика Алтай (план на 2024–2026 гг. – 21 человек) не смогла обеспечить даже символического выполнения годового плана. В Республике Тыва программа завершена (была рассчитана на 2022–2024 гг. – 45 человек), так и не достигнув заявленных целей. Республика Хакасия (план на 2022–2028 гг. – 169 человек) продемонстрировала ничтожную результативность на старте многолетнего цикла. Таким образом, выявленный разрыв между декларируемыми целями и фактическими результатами переводит данные инициативы из плоскости реальной политики в плоскость символического действия. Программы борются со следствием (бытовыми трудностями), игнорируя саму причину – структурную непривлекательность территории для реализации долгосрочных жизненных планов.

Как бы то ни было, в Республике Алтай повышенное внимание уделяется привлечению специалистов в сельские районы, что должно способствовать интеграции квалифицированных специалистов в периферийные регионы. Кроме того, переселенцам предоставляется компенсация за аренду жилья, что облегчает их адаптацию на новом месте. В Республике Хакасия реализуется масштабная программа, охватывающая вопросы трудоустройства и поддержки предпринимательства. Это способствует диверсификации экономики и развитию местного бизнеса (табл. 3). В Республике Тыва, где программа по времени исполнения себя уже исчерпала, применялась стратегия, направленная на привлечение молодежи и специалистов, имеющих родственные связи с местным населением. Что должно было укрепить социальную базу региона и повысить эффективность кадровой политики.

Следует отметить, что на официальном сайте МВД России в режиме онлайн можно мониторить ключевые показатели реализации Государственной программы по переселению соотечественников, включая динамику прибытия участников и членов их семей в целом по стране и в разрезе каждого субъекта Федерации, в том числе субъектов Сибирского федерального округа; отслеживать выполнение установленных квот, анализировать демографические и профессиональные характеристики переселенцев; знакомиться с архивными отчетами за предыдущие годы для выявления тенденций и сравнения эффективности программ в разных регионах страны⁹.

В контексте низкой эффективности программ в сибирских республиках нагляден опыт регионов, которым удалось добиться положительных результатов. Так, в Калужской области успешно реализуется модель привлечения высококвалифицированных специалистов через создание промышленных парков и тесное взаимодействие с бизнесом, принимающим участие в предоставлении жилья и социальных гарантий. В Ленинградской области действует эффективная система адаптации и интеграции мигрантов, включающая языковые курсы и культурную ориентацию, что снижает показатели оттока. В отличие от символических бюджетов программ в Сибири, эти регионы обеспечивают значительное финансирование

⁹ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом / Мониторинг Государственной программы // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ: [сайт]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/compatriots/monitoring (дата обращения: 25.06.2025).

и создают реальные, а не декларативные стимулы для переселенцев. Данные примеры подчеркивают, что успех миграционной политики напрямую зависит от ее масштаба, комплексности и увязки с реальными потребностями экономики.

Обсуждение

Интеграция полученных эмпирических результатов в контекст научной литературы и авторской концепции позволяет однозначно подтвердить выдвинутый во введении тезис о структурном дисбалансе миграционной политики. Мы наблюдаем не просто набор разрозненных проблем, а самовоспроизводящуюся систему, где точечные меры лишь усугубляют системные противоречия. Во-первых, устойчивый отток молодежи и квалифицированных кадров это прямое следствие неспособности регионов создать привлекательные условия для постоянного проживания. Во-вторых, выявленная нами полная неэффективность программ переселения соотечественников, подтвержденная данными МВД за 2024–2025 гг., служит эмпирическим доказательством тезиса О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковского о «гибридности» и потере истинных целей миграционной политики [2]. Официальная статистика свидетельствует о том, что потоки соотечественников и репатриантов закономерно концентрируются в «рыночно привлекательных» регионах (ЦФО, развитые промышленные области СФО и УрФО), тогда как этнонациональные республики Южной Сибири оказываются полностью неконкурентоспособными в борьбе за человеческий капитал. В-третьих, парадоксальный рост импорта низкоквалифицированной трудовой силы в условиях депопуляции, особенно ярко проявившиеся в Республике Алтай, выглядит не просто тактической ошибкой, а является следствием глубокого структурного дисбаланса, о котором писала А. Н. Шмачкова, отмечая примат краткосрочных экономических и фискальных интересов над долгосрочными демографическими целями [1].

Таким образом, совокупность представленной информации не оставляет сомнений: современная миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири не просто неэффективна, она системно дисфункциональна. Она борется с симптомами (временным дефицитом рабочих рук), игнорируя причину – структурную непривлекательность территорий для постоянного проживания и реализации жизненных планов населения.

Проведенный анализ позволяет нам выйти на принципиально важный уровень дискуссии, выявляющий системное противоречие современной миграционной политики в этнонациональных республиках СФО. Мы наблюдаем классический случай структурного дисбаланса. С одной стороны, имеет место устойчивый эндогенный отток наиболее мобильного и экономически активного сегмента населения – молодежи, ведущий к депопуляции и сокращению человеческого капитала. С другой стороны, экзогенные механизмы компенсации этих демографических потерь – программы переселения соотечественников и привлечения иностранной рабочей силы – демонстрируют свою принципиальную неадекватность масштабу вызова. Выявленный в нашем исследовании структурный дисбаланс – устойчивый отток местного населения при одновременном наращивании импорта нестабильной, низкоквалифицированной иностранной рабочей силы – напрямую перекликается с критикой, высказанной О. Д. Воробьевой и Л. Л. Рыбаковским. А они отмечали,

что в 2000-е гг. абсолютным приоритетом стала внешняя трудовая миграция, приносящая доходы в бюджет, в ущерб затратной, но демографически значимой переселенческой политике [2]. Это вело к росту нелегального сектора и не решало стратегических задач демографического и кадрового воспроизводства. Такой дисбаланс усугубляется региональной спецификой. Как показывает наше исследование, в то время как промышленно развитая Хакасия хотя бы частично компенсирует отток населения за счет трудовых мигрантов, моноэтничные республики Алтай и Тыва практически не привлекают международных мигрантов, что усиливает их демографическую изоляцию. Это полностью соответствует выводу А. Н. Шмачковой о том, что российская миграционная политика исторически испытывает «сильное влияние вопросов безопасности» [1], что в условиях этнонациональных регионов приводит к чрезмерной осторожности и ограничительному характеру политики.

Новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. пытается сфокусироваться на выявленных системных проблемах через целевой организованный набор и цифровизацию. Однако в рамках нашего авторского понимания миграционной политики главным остается вопрос о достижении именно сбалансированности между ее целями. Без создания привлекательных условий для постоянного проживания (а не временной работы) как для местного населения, так и для потенциальных переселенцев, даже самые современные механизмы регулирования не позволят переломить негативные тенденции.

Изучение региональных программ по переселению соотечественников демонстрирует их ограниченные масштабы в сравнении с объемом миграционной убыли. Вместе с тем для формирования комплексного представления о миграционной политике в регионах необходим дальнейший анализ эффективности программ, нацеленных на внутреннюю миграцию и закрепление кадров. Парадоксальная ситуация складывается и с иностранной трудовой миграцией. Мы видим, как Республика Алтай, теряя собственное население, одновременно наращивает импорт труда, который зачастую носит нестабильный, низкоквалифицированный и порой нелегальный характер. Это не решает проблему демографического и кадрового воспроизводства, а лишь создает новую социальную зависимость и потенциальные очаги напряженности. Итак, ключевой тезис нашего обсуждения состоит в следующем: текущая миграционная политика не просто неэффективна – она системно не соответствует структурным вызовам депопуляции и экономической стагнации. Она борется со следствиями, не затрагивая причин: низкого качества жизни, отсутствия диверсифицированной экономики и перспектив для самореализации. Стратегический выход видится не в латании дыр путем точечных программ, а в коренном пересмотре подхода, как это заложено в новой Концепции на 2026–2030 гг. Ключевой задачей становится глубокая интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного развития, нацеленную на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Опыт Республики Татарстан и Калужской области доказывает, что именно такой комплексный подход, а не точечные миграционные программы, позволяет не только привлекать новых жителей, но и удерживать местное население. Только сделав регион привлекательным для жизни собственных граждан, можно

говорить о его устойчивой привлекательности для новых переселенцев и достижениях той самой сбалансированности, которая составляет суть эффективной миграционной политики. Миграционная политика должна быть не самостоятельной областью, а органичной частью комплексной стратегии пространственного развития, нацеленной на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Только сделав территорию привлекательной для жизни собственных граждан, мы сможем говорить о ее привлекательности и для новых переселенцев.

Выводы

В рамках анализа миграционных процессов в этнонациональных регионах Сибирского федерального округа необходимо рассмотреть ряд ключевых аспектов, связанных с демографическими изменениями, этнокультурной динамикой и социально-экономическими факторами. Миграционные потоки в данном макрорегионе характеризуются значительным разнообразием и комплексностью, что обусловлено многонациональным составом населения и уникальными природно-климатическими условиями.

Оценка результативности региональных программ по миграции дает нам право констатировать: миграционная политика неэффективна. Проведенный анализ позволяет сделать основополагающий вывод о том, что миграционная политика в исследуемых регионах не просто требует корректировки, а нуждается в принципиальной переориентации. Системная несбалансированность, при которой устойчивый отток постоянного населения усугубляется полной неэффективностью программ по его компенсации (что наглядно показала официальная статистика МВД за 2024–2025 гг.), свидетельствует о системном кризисе сложившейся модели. В свете этого рекомендации авторов направлены не на улучшение существующих инструментов, а на смену самой парадигмы регулирования. Смена парадигмы заключается в том, чтобы от точечных мер перейти к интегративной стратегии. Важнейшей рекомендацией является отказ от рассмотрения миграции как самостоятельной сферы регулирования. Вместо разрозненных программ по переселению и трудовых квот необходима их глубокая интеграция в общую стратегию пространственного и экономического развития регионов. Приоритет должен сместиться с «латания дыр» дешевой рабочей силой на создание комплексных условий (качественные рабочие места, современная инфраструктура, комфортная среда), которые сделают регион привлекательным для его нынешних и потенциальных жителей. Стратегическая цель состоит в удержании и привлечении человеческого капитала. Все меры, включая миграционные, должны быть подчинены единой цели – сохранению и приумножению человеческого капитала. Это предполагает фокус на создании возможностей для самореализации талантливой молодежи на месте, поддержке внутренней академической и профессиональной мобильности, а также целевом привлечении не просто «рабочих рук», а мотивированных переселенцев, готовых связать свою жизнь с регионом. Региональная специфика вместо унифицированного подхода. Предлагаемые в новой Концепции на 2026–2030 гг. меры (целевой набор, цифровизация) должны быть не просто спущены «сверху», а адаптированы к уникальным условиям каждого этнонационального

региона. Для промышленной Хакасии и аграрно-туристических Алтая и Тыва необходимы принципиально разные модели привлечения и интеграции, учитывающие их экономическую специализацию и этнокультурный контекст.

Только при таком фундаментальном пересмотре подходов, когда миграционная политика станет не источником проблем, а инструментом достижения стратегических целей развития, можно говорить о преодолении системной несбалансированности и создании условий для устойчивого демографического и экономического будущего этнонациональных регионов Сибири.

Констатация системных проблем в сфере внешней и внутренней миграции. Первое. Неспособность политики внешней миграции компенсировать региональную убыль населения. Действующая политика носит преимущественно ограничительный и фискальный характер и не решает главной задачи: целевого распределения потоков иностранных мигрантов и соотечественников для компенсации демографических и трудовых потерь в регионах России. Внешние мигранты концентрируются в крупных мегаполисах (Москве, Санкт-Петербурге, городах-миллионниках), в то время как малые города и сельские территории продолжают пустеть. Второе. Усиление оттока внутренних мигрантов, прежде всего молодежи и квалифицированных кадров, из исследуемых регионов в более развитые части страны. Это свидетельствует о кризисе регионального развития, отсутствии стимулов для удержания собственного населения и для миграции в нужные для российской экономики регионы.

Системное стимулирование перехода легальных мигрантов в статус недокументированных. Действующая система создает условия, при которых легальное пребывание становится чрезмерно затруднительным или экономически невыгодным: чрезмерная бюрократическая нагрузка – сложность, непрозрачность и изменчивость правил получения патентов, разрешений на работу, вида на жительство. Высокие финансовые издержки: совокупная стоимость легального пребывания (пошлины, ежемесячные платежи за патент, обязательные медосмотры, страхование) часто несоразмерна доходам трудовых мигрантов.

Проведенный анализ демонстрирует, что хронические проблемы миграционной политики, описанные в научной литературе, в этнонациональных регионах Сибири проявляются с особой остротой. Реализуемая политика не соответствует критериям сбалансированности, сформулированным в нашем исследовании: демографические цели не достигаются, экономические решаются за счет импорта низкоквалифицированной рабочей силы, а социально-культурные риски усиливаются.

Отсутствие комплексных миграционных программ, направленных на решение демографических вызовов, является ключевым фактором, требующим пристального внимания и системного подхода.

В заключение сформулируем следующие рекомендации.

1. Необходимо разработать целевые программы, ориентированные на создание современных рабочих мест и комфортной городской среды, удержание местной молодежи и привлечение квалифицированных мигрантов из других регионов России (внутренних мигрантов) и соотечественников из-за рубежа, с учетом успешного опыта ряда субъектов Российской Федерации, таких как модель

индустриальных парков в Калужской области или программа развития агломераций в Красноярском крае. Основной дисбаланс современной политики сводится к тому, что она пытается решить демографические проблемы за счет внешней трудовой миграции, которая в сибирских республиках носит нестабильный и низкоквалифицированный характер, но при этом не предлагает эффективных решений для остановки оттока постоянного населения. В результате регионы сталкиваются с двойным негативным эффектом: потерей собственного человеческого капитала и отсутствием его качественной замены.

2. Рекомендуем на уровне Сибирского федерального округа принять общую для региона стратегию демографического развития, фокусирующуюся на межрегиональной кооперации и обмене передовыми практиками. В качестве примера успешного опыта можно рассмотреть структурные сдвиги в рождаемости, реализованные в Республике Хакасия.

3. Важно увязать демографическую политику с программами экономического развития и социальной поддержки. Это предполагает создание условий для повышения доходов и занятости населения, особенно среди женщин и молодежи. Необходимо стимулировать экономическое развитие путем создания новых, в том числе высокотехнологичных рабочих мест, используя лучшие практики создания ТОСЭР, например, таких как в Татарстане, и поддержки инновационного предпринимательства, что должно охватывать не только традиционные отрасли (туризм и сельское хозяйство), но и новые сферы, включая информационные технологии (IT), экологический мониторинг и удаленные услуги.

4. Приоритетным направлением для удержания внутренних мигрантов (местного населения) является развитие человеческого капитала. Это включает укрепление системы высшего и профессионального образования в регионе и создание программ, позволяющих талантливой молодежи строить успешную карьеру, не покидая родину.

5. Повышение привлекательности региона для жизни – важнейший аспект демографической политики. Это предполагает развитие городской среды, улучшение социальной инфраструктуры, включая здравоохранение и культуру, внедрение цифровых технологий и повышение качества предоставления государственных услуг.

6. В целях кардинального повышения прозрачности, аналитической ценности и практической полезности системы мониторинга Государственной программы по содействию добровольному переселению соотечественников необходима фундаментальная реформа действующей системы отчетности. Ключевым и безотлагательным направлением является полный отказ от практики размещения разрозненных данных на сайтах региональных управлений МВД, где такая информация зачастую представлена в несистематизированном виде. Вместо этого требуется создание единой централизованной и общедоступной статистической платформы на официальном сайте МВД России, которая бы предоставляла детализированные, верифицированные и регулярно обновляемые данные по каждому субъекту Российской Федерации, участвующему в Программе. Такая платформа должна в обязательном порядке и в стандартизированном виде публиковать исчерпывающий набор показателей по тому или иному региону, а именно: количество поданных

заявлений и выданных свидетельств, численность фактически прибывших переселенцев и членов их семей, показатели их трудоустройства и территориального распределения (городская/сельская местность), основные демографические характеристики. Информация должна быть представлена в интерактивном формате с возможностью фильтрации по субъектам РФ, федеральным округам, временным периодам (квартал, год) и категориям мигрантов, в машиночитаемых форматах для последующего анализа. Подобный подход обеспечит подотчетность регионов, позволит проводить сравнительный анализ их эффективности, выявлять лучшие практики и системные проблемы, а также даст исследователям и федеральным органам власти надежный инструмент для объективной оценки реализации Программы и принятия обоснованных управленческих решений.

Стратегический выход видится не в латании дыр, а в коренном пересмотре подхода, как это заложено в новой Концепции на 2026–2030 годы. Важнейшей задачей становится глубокая интеграция миграционной повестки в общую стратегию пространственного развития, нацеленную на опережающее инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру и создание высокопроизводительных рабочих мест. Только сделав регион привлекательным для жизни собственных граждан, можно говорить о его привлекательности для новых переселенцев и достижении той самой сбалансированности, которая составляет суть эффективной миграционной политики.

А в завершение важно подчеркнуть, что успешная реализация миграционной политики в этнонациональных субъектах Сибирского федерального округа требует комплексного и сбалансированного подхода, одновременно направленного на эффективное привлечение и интеграцию внешних мигрантов, а также на создание условий для удержания и возвращения собственного населения. Такая концепция, интегрированная в общую стратегию развития, позволит обеспечить гармоничное развитие региона, сохранить его уникальное этнокультурное наследие и укрепить межэтническое согласие.

Список литературы

1. Шмачкова, А. Н. Миграционная политика России в контексте управления миграцией на постсоветском пространстве // *Society and Security Insights*. 2019. Т. 2, № 4. С. 55–60. DOI [10.14258/ssi\(2019\)4-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-04). EDN [NFQLIL](https://www.edn.ru/NFQLIL).
2. Воробьева, О. Д. Доминанта миграционной политики современной России / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский // *Социологические исследования*. 2017. № 8 (401). С. 59–65. DOI [10.7868/S0132162517080062](https://doi.org/10.7868/S0132162517080062). EDN [ZGOXPB](https://www.edn.ru/ZGOXPB).
3. Ойдун, Т. М. Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасии / Т. М. Ойдун, И. Н. Трошкина, С. Д. Дилекова // *Новые исследования Тувы*. 2025. № 2. С. 92–108. DOI [10.25178/nit.2025.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5). EDN [VIBPQC](https://www.edn.ru/VIBPQC).
4. Рязанцев, С. В. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова // *Народонаселение*. 2015. № 2 (68). С. 64–73. EDN [TZFRPN](https://www.edn.ru/TZFRPN).
5. Абылкаликов, С. И. Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 4. С. 131–142. DOI [10.25178/nit.2021.4.10](https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10). EDN [JVCDXE](https://www.edn.ru/JVCDXE).
6. Шворина, К. В. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов / К. В. Шворина, Л. М. Фалейчик // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, № 2. С. 485–501. DOI [10.17059/2018-2-12](https://doi.org/10.17059/2018-2-12). EDN [XYCHBJ](https://www.edn.ru/XYCHBJ).

7. Ростовская, Т. К. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 207–219. DOI [10.25178/nit.2023.3.13](https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13). EDN [OCKNNK](https://www.edn.ru/OCKNNK).

8. Натсак, О. Д. Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы / О. Д. Натсак, Ч. Б. Даржаа // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 2–3. С. 193–219. DOI [10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219](https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219). EDN [WDAZWC](https://www.edn.ru/WDAZWC).

9. Ахметова, Г. Ф. Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 53–69. DOI [10.25178/nit.2022.2.4](https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4). EDN [FOZZUX](https://www.edn.ru/FOZZUX).

10. Мамышева, Е. П. Современные миграционные процессы в Республике Хакасия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 87–91. DOI [10.23672/SAE.2019.11.41479](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41479). EDN [CJSFZZ](https://www.edn.ru/CJSFZZ).

11. Lee, E. S. A Theory of Migration. Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).

12. Тюттенева, С. П. Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 209–218. DOI [10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218). EDN [EVIUKN](https://www.edn.ru/EVIUKN).

13. Вазиров, З. К. Миграция из Центральной Азии в этнонациональные регионы России: этнодемографические сдвиги и их экономические последствия / З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // Миграционные процессы в Российской Федерации: вызовы, практика, перспективы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 24 апреля 2025 года. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2025. С. 26–44. EDN [ANYKCY](https://www.edn.ru/ANYKCY).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://www.rincc.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); РИНЦ SPIN-код: [4348-5413](https://www.rincc.ru/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); РИНЦ SPIN-код: [2301-2260](https://www.rincc.ru/2301-2260); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Благодарности и финансирование

Коллектив авторов выражает глубокую признательность руководству и правительствам республик Алтай и Хакасия, а также сотрудникам Министерства труда, социального развития и занятости населения Республики Алтай и Министерства труда и социальной защиты Республики Хакасия за неоценимое содействие в предоставлении информации (Вх. письма № И-10-01-07/3046 от 14.05.2025; № 140–315004 от 18.04.2025).

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; принята в печать 15.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION POLICY IN ETHNIC REGIONS OF SIBERIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Sergey V. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Zafar K. Vazirov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Farzona M. Garibova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

For citation: Ryazantsev, S. V., Vazirov, Z. K., Garibova, F. M. Migration Policy in the Ethno-National Regions of Siberia: Challenges and Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 70–96. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.5). (In Russ.)

Abstract. The study provides a comprehensive analysis of migration policy in the ethnic regions of the Siberian Federal District (Republics of Altai, Khakassia, and Tuva). Using comparative case studies, the paper identifies a significant structural imbalance in the current policy. On the one hand, there has been a steady outflow of local populations, especially young people to more developed parts of the country. On the other hand, programs to bring back compatriots or foreign workers have not been effective enough to compensate for demographic losses. Analysis of regional characteristics shows that despite differences in economy and ethnicity, all three regions face similar systemic problems, such as lack of support measures, difficulty in integrating new arrivals and inability to stop the outflow of qualified personnel. The research shows that current measures are often ineffective and do not match the scale of challenges. The findings suggest a need for a new approach to migration policy, which should be integrated with overall regional development strategies. Key factors for success include creating attractive living conditions, developing modern infrastructure and diversifying the economy. The findings can be of interest to federal and local authorities involved in migration policy development and implementation, as well as experts and academics working on spatial development and socio-economic transformation under the influence of migratory factors.

Keywords: migration policy, ethnonational regions, labor migration, migration, Siberian Federal District, Altai Republic, Republic of Khakassia, Republic of Tyva

References

1. Shmachkova, A. N. Russian Migration Policy in the Context of Migration Management in the Post-Soviet Space. *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2, No. 4. Pp. 55–60. DOI [10.14258/ssi\(2019\)4-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-04). (In Russ.).
2. Vorobyeva, O. D., Rybakovsky, L. L. Dominant Migration Policy of Modern Russia. *Sociological Research*. 2017. No. 8 (401). Pp. 59–65. DOI [10.7868/S0132162517080062](https://doi.org/10.7868/S0132162517080062). (In Russ.).
3. Oydup, T. M., Troshkina, I. N., Dilekova, S. D. Analysis of the Migration Attractiveness of the Altai Republic, Tuva and Khakassia. *The New Research of Tuva*. 2025. No. 2. Pp. 92–108. DOI [10.25178/nit.2025.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.5). (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khramova, M. N. Return Migration of Compatriots to Russia: Is there a Migration Potential? *Population*. 2015. No. 2 (68). Pp. 64–73. (In Russ.).
5. Abylkalikov, S. I. Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 131–142. DOI [10.25178/nit.2021.4.10](https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10). (In Russ.).

6. Shvorina, K. V., Faleichik, L. M. Main Directions of Migration Mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Economy of Region*. 2018. Vol. 14, No. 2. Pp. 485–501. DOI [10.17059/2018-2-12](https://doi.org/10.17059/2018-2-12). (In Russ.).
7. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. Challenges of Educational Migration of Tuva Youth: Demographic Aspect. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 3. Pp. 207–219. DOI [10.25178/nit.2023.3.13](https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13). (In Russ.).
8. Natsak, O. D., Darzhay, Ch. B. Migration Intentions of the Population of the Republic of Tuva: Directions, Reasons, and Motives. *Asian Studies: History and Modernity*. 2023. No. 2–3. Pp. 193–219. DOI [10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219](https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219). (In Russ.).
9. Akhmetova, G. F. Migration Processes in National Republics with Different Levels of Human Development: The Cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 2. Pp. 53–69. DOI [10.25178/nit.2022.2.4](https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4). (In Russ.).
10. Mamysheva, E. P. Modern Migration Processes in the Republic of Khakassia. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2019. No. 11. Pp. 87–91. DOI [10.23672/SAE.2019.11.41479](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.11.41479). (In Russ.).
11. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
12. Tyukhteneva, S. P. Labor Migration from the Altai Republic on the Eve of the 2021 Population Census. *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). P. 209–218. DOI [10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218). (In Russ.).
13. Vazirov, Z. K., Garibova, F. M. Migration from Central Asia to the Ethnonational Regions of Russia: Ethnodemographic Shifts and their Economic Consequences. *Migration processes in the Russian Federation: challenges, practice, prospects* : Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yoshkar-Ola, April 24, 2025. Yoshkar-Ola : Volga Region State Technological University Publ., 2025. Pp. 26–44. (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.rsci.ru/spin/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); RSCI SPIN-code: [4348-5413](https://www.rsci.ru/spin/4348-5413); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/S-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Farzona M. Garibova, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); RSCI SPIN-code: [2301-2260](https://www.rsci.ru/spin/2301-2260); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Acknowledgments and financing

The team of authors express deep gratitude to the leaders and governments of the Republics of Altai and Khakassia, as well as to the employees of Ministry of Labour, Social Development, and Employment of Altai, and Ministry of Labour and Social Protection of Khakassia for their invaluable help in providing information. (Incoming Letters No. I-10-01-07/3046, dated 14 May 2021; No.140-315-04, dated April 18, 2019).

Received on 07.10.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.